

Воспоминание в цифровом пространстве как форма «заботы о себе»

НАДЕЖДА МАКАРОВА

Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта (БФУ им. Канта); Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Россия, pr99pr99@mail.ru.

Ключевые слова: забота о себе; субъект; память; практики памятования; цифровая реальность; искусственный интеллект.

В статье предпринимается попытка выделить и описать современные практики «воскрешения» субъекта в цифровом пространстве в контексте появления и распространения чат-ботов на базе искусственного интеллекта. Цифровые ресурсы конструирования дигитального образа субъекта в диалоговой форме осуществляют посредническую функцию памятования, производя и генерализируя «тексты жизни». Анализируются актуальные формы воспоминания в динамике индивидуальной памяти, а также разрабатываются различные уровни и смыслы современного дискурса дигитального «воскрешения» субъекта. Воспоминание рассматривается и как технологически унифицированная практика перманентной актуализации памяти об индивиду, и как результат конструирования персонального образа, предназначенный для посмертных трансляций и обработки в сетевом пространстве. Создание цифровой копии умершего, сконструированной по единому, унифицированному шаблону, представлено в качестве одного из актуальных способов фор-

мирования представлений о прошлом индивида.

Приводится и подвергается анализу многообразие современных технологических разработок (тестовые (стартапы) и конечные коммерческие продукты), которые проектируют и транслируют посмертный образ человека в дигитальном режиме. Затрагиваются идеи Пьера Нора, Яна Ассмана, Алейды Ассман, Мишеля Фуко, Герта Ловинка, Германа Люббе, Теодора Адорно. Статья проблематизирует также понятие субъективности сквозь призму императивов и стандартов, лежащих в основе такого концепта, как «забота о себе». Практики «заботы о себе» включают в себя аспект памятования: требование формирования собственной биографии, ее передачу, конструирование воспоминания об образе физического и дигитализированного человека. Формулируется следующий вывод: частными формами «заботы о себе» в цифровом пространстве выступают практики реактивации субъекта, актуализации памяти о нем на основании утвержденных репрезентирующих его составляющих.

«**М**Ы НЕ ВЕРИМ журналистам, экономистам, политикам во всем, кроме того, что время наше действительно цифровое», — указывают российские исследователи Валерий Савчук и Константин Очеретяный¹. Действительно, онлайн-пространство, изобилие электронных интерфейсов и сетевой характер коммуникации все громче заявляют о себе в качестве конституирующих нашу деятельность и даже, вероятно, наше существование:

...цифровая реальность не только и не столько удваивает мир — она его подменяет, представляя его единственно возможным образом².

Дигитальная реальность обладает способностью создания, хранения и трансляции изображения и звука, более того, репрезентации всех сфер жизни. В пределе частной жизни такая подмена, уникальность представления и противостояние иллюзорности дигитальной реальности находят свое выражение в цифровой копии умершего человека, которая становится исключительной формой продолжения уже не существующей физически личности и одним из актуальных способов формирования представлений о прошлом. Создание цифрового образа принадлежит к практике определения и изобретения собственной генеалогии, собирания себя в цифровых стандартизированных практиках в перспективе самоутраты. Ее особый темпоральный режим — настоящее как точка сборки, исходящая из будущей представленности, — является вариационным, перманентным, незавершенным и косвенно связанным с пространственным измерением. Отныне воспоминание выступает в качестве персонализированного и дигитально воплощенного следа прошлого. Это с необходимостью ставит во-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 22-18-00214.

1. Савчук В. В., Очеретяный К. А. Введение // Критика цифрового разума / Гл. ред. В. В. Савчук. СПб.: Академия исследования культуры, 2020. С. 5.
2. Там же. С. 7.

прос о характере, способе и механизме формирования воспоминания, осуществленного самим субъектом.

Воспоминание, сигналы о жизни и уведомления о смерти

Идея возможного цифрового «воскрешения» умершего базируется на принципе дигитального копирования человека: перевода его составляющих, отражающих сконструированный образ себя и результаты собственной деятельности, в виртуальное пространство. Представление о пустоте вне потока жизни в информации дополняется настойчивым требованием цифровой представленности прижизненных и посмертных следов существования и соответствующих практик памятования в дигитальном пространстве. Если теперь, как указывает медиатеоретик Герт Ловинк, «общество превратилось в базу данных пользователей», и в нем «мы передаем лишь робкие сигналы того, что мы всё еще живы», возможно ли утверждать, что мы, напротив, в сетевой реальности настойчиво передаем сигналы того, что мы мертвы?³ Что в действительности умерший способен передать потомкам при учете нового режима и каким образом они способны это воспринять посредством привлечения технологического инструментария? Физические объекты, имущественные права и обязанности входят в состав наследства. Вне правового контекста наследник сохраняет также воспоминание об умершем, памятные вещи и, со становлением цифрового режима «жизни», данные пользователя, доступ к электронным устройствам, учетной записи, информации профиля.

Последнее стало возможным с появлением, к примеру, у американской корпорации *Apple* в 2021 году функции «Цифровое наследие» (*Digital Legacy*), технологии передачи данных после смерти пользователя. Завещатель при жизни может избрать наследника и передать ему ключ доступа к данным. В дальнейшем цифровой наследник получит доступ к фото- и видеогалерее, заметкам, почте, медицинским данным, сообщениям, контактам — к материалам, которые в стандартизированном оцифрованном виде способны представить и сохранить образ умершего-пользователя; а также передать результаты его дигитальной активности наследникам. В итоге память об умершем в обращении к фотографиям фор-

3. Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2019. С. 33, 35.

мально замещается цифровой галереей, снимками, данными, доступ к которым предоставляется человеком при жизни. Или, как отмечает современная исследовательница Елена Трубина:

Запечатление, интерпретация, рассказ, воспоминание — связанные с памятью активности сегодня сложно представить без медийного опосредования, без хранящихся в твоём компьютере папок с цифровыми фотографиями, тысяч писем в почтовых ящиках электронной почты, «френд-ленты» социальных сетей, коллекций, личных библиотек⁴.

Так же, как мы «пересобираем близких» на наших девайсах, мы «пересобираем память» о них на наших устройствах и с привлечением их электронных носителей⁵. Подобные современные практики памятования в цифровом пространстве являются индивидуально ориентированным усилием сохранения памяти об умершем в повторяющихся коммуникативных актах актуализации. Это обусловлено тем, что

... индивидуальные и коллективные воспоминания становятся все менее спонтанным, естественным или сакральным актом, они во все большей мере опознаются как социальные и культурные конструкторы, изменяющиеся во времени и обретающие собственную историю⁶.

Более того,

... в свете теории культурной памяти прошлое служит не только предметом знания, которое можно сдать в архив, но и параметром человеческого опыта, воспоминаний, чувств и вопросов идентичности — все это важные и легитимные узы, тесно связывающие прошлое с настоящим и будущим⁷.

Цифровое пространство обновляет процедуру продления существования живых воспоминаний в рамках прежнего функционального контекста с уходом их субъекта. Рассматриваемые практики оказываются содержательно наполняемыми по анало-

4. Трубина Е. Учась вспоминать: векторы исследований памяти // Власть времени: социальные границы памяти / Под ред. В. Н. Ярской, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2011. С. 38.

5. Ловинк Г. Указ. соч. С. 87.

6. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. С. 12.

7. Там же. С. 385.

гии с представлением современного немецкого философа Германа Люббе о модерновом современном жизненном мире:

Память об умерших становится тем самым частью актуализации историй о происхождении с тенденцией к индивидуальной, семейной и общественной самоисторизации⁸.

Истории в современном обществе вносят аспекты индивидуализации, опознавания и уникальности:

Индивидуумы в их неповторимости могут быть идентифицированы с помощью историй. Рассказывая наши истории, мы демонстрируем эту неповторимость⁹.

Они в качестве составляющей способствуют удостоверению личности, становлению идентичности в исторической индивидуальности. Последняя обеспечивает, в свою очередь, различимость отдельных субъектов

... в качестве единичного результата единичных историй, происходящих с индивидуумами в их взаимоотношениях с другими людьми¹⁰.

Связь исторической индивидуальности с процессом идентификации и самоидентификации закрепляется актами засвидетельствования, непосредственной фиксации статуса существования:

Но кто мы такие, столь озабоченные, каждый раз решающие, кем мы хотим стать или остаться, — все это можно понять лишь благодаря нашей истории¹¹.

В данной интерпретации ключевым моментом становится относительность активной роли индивида, вариативность соотнесенных моментов:

Идентичность — не является результатом действия. Она — результат истории, то есть результат самосохранения и развития субъекта в условиях, которые случайным образом связаны с ос-

8. Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: ИД ВШЭ. 2016. С. 49.

9. Он же. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 108.

10. Там же.

11. Там же. С. 111.

нованием его сиюминутного стремления. Именно поэтому по отношению к истории, дающей субъекту его идентичность, он является не ее действующим субъектом, а всего лишь референциальным субъектом рассказывания этой истории¹².

В качестве примеров историографического изображения собственной идентичности Люббе приводит аспекты автобиографий, частные случаи личных биографических профилей в жизненной практике на профессиональном и государственном уровнях, где каждый раз в истории воспроизводится непосредственный жизненный мир, социальность индивидов. В соответствии с этим возможно удостоверить тот же интенциональный момент: в современных формах сохранения памяти о единичном субъекте, осуществленном самим же субъектом, результатом такого закрепления является образ, соотнесенный с содержанием истории и сформированный в целостности представления человека о себе на момент фиксации. Регистрируется инертность, отсутствие динамической корректировки, но момент актуализации воспоминания другим человеком предполагает большую степень подвижности и большее разнообразие в интерпретации и дополнении истории при сохранении биографического контура, так как теперь цифровая модель человека представляет возможность постигнуть «больше того, что можно понять из анализа условий настоящего времени»¹³.

Фоном формирования воспоминаний является динамичная, мобильная, дифференцированная общественная среда, в которой «ослабляется связь памяти, темпорально упорядочивающей реальность, с фиксированными местами в пространстве» и которая требует от человека невиданных усилий по актуализации прошлого¹⁴. Здесь действует компенсаторный механизм:

Обезличенная современная цивилизация вместе со специфической установкой на аисторичность провоцирует компенсаторный интерес к индивидуальным, конкретным историям (людей или организаций)¹⁵.

12. Там же. С. 113.

13. Там же.

14. Люббе Г. Указ. соч. С. 50.

15. Румянцева М. В. Компенсаторная теория в работах Германа Люббе и Одо Маркварда // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 2. № 1. С. 148.

Цифровое пространство, постулирующее универсализм, взаимозаменяемость единиц, типизированность социальных интеракций, формализованную коммуникацию, углубляет и расширяет состояние обезличенности, однако порождая сопротивление в форме индивидуализированных практик: эмоционально и специфически характеризующихся актах идентификации. Унификация компенсируется интересом к индивидуальному и личному. Цифровая реальность предоставляет такое пространство, в котором бы воспоминание сохраняло динамику и живую воплощенность. В данном случае воспоминание представляет собой обращение к прошлому субъекта, которое включает в себя личностный опыт, позиционирующий себя как существенный. Как указывает немецкий историк культуры, египтолог Ян Ассман, существенным в памяти об умершем является то воспоминание, «которое потомки свяжут с этой жизнью после его смерти»¹⁶. При этом память связывается с процессом взаимодействия:

Память живет и сохраняется в коммуникации. Мы помним только то, что можем сообщить и для чего можно найти место в рамках коллективной памяти¹⁷.

В цифровом пространстве же возможность длительной актуализации памятования разворачивается в пределе перманентного (со)общения: рамки коммуникативной реальности расширяются при сохранении «живого» образа умершего. Его имя живет в цифровых сетях, его «звучание», объективированная индивидуальность, фиксируется и отображается в фазе эмоциональной захваченности.

В дигитальном пространстве воспоминание приобретает статус сформированного при жизни самим субъектом, о котором будут вспоминать, или же его содержание учреждается фигурой иного, находящегося в непосредственной связи с данным субъектом. Если в аналоговом пространстве восприятие себя диктуется самой жизнью, в которой нет автономии в управлении жизненными образами, а субъект является в некотором роде свидетелем событий, то в цифровом — время, ритм и содержание восприятия себя являются конструируемыми и презентующими

16. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 34.

17. Там же. С. 37–38.

ми. Образ человеческой жизни подвергается непрестанному искусственному формированию и улучшению, что наделяет образ способностью рассказывать уникальную историю, которая может быть задокументирована и представлена взгляду другого. Имеет место сериальная/серийная сборка, позволяющая связать разрозненные факты в единую линию рассказа и передать в будущее. Как указывает немецкий историк и культуролог Алейда Ассман,

...автобиографическая память вписывается в данный формат автоматически; чтобы придать форму хаотичным воспоминаниям, необходимо, отойдя на некоторую дистанцию по отношению к самому себе, принять установку на диалог и занять определенную позицию. Автобиографические воспоминания обладают социальным компонентом: мы должны суметь рассказать о них себе и другим¹⁸.

Настоящее остается тем местом, где человек творит собственную современность, собственное будущее и прошлое¹⁹.

Более того, в настоящем он творит воспоминания о своем прошлом, которое должно быть передано в будущее и в нем транслироваться. Данная способность не просто является данной индивиду, она вменяется ему в качестве конституирующей, легитимирующей его в качестве самости в рамках частной практики, практики «заботы о себе».

«Забота о себе» и дестабилизация тождественного субъекта цифровой реальности

Общественное и приватное измерения интенсивнее погружаются в структуры дигитального и подчиняются их устройству. Такие возникшие понятия, как интернет вещей (*Internet of Things*), интернет тел (*Internet of Bodies*), преследуют фигуру современного человека и не просто инструментально технологизируют и виртуализируют повседневную сферу, но и предлагают актуальный способ восприятия себя в современных цифровых медиа — лучше понять самого себя и тонко настроить уровень внутреннего и внешнего комфорта. Постигание же себя ограни-

18. Ассман А. Указ. соч. С. 128–129.

19. Артеменко Н. А. Время, память, травма: между бытием и небытием // *Studia Culturae*. 2018. № 36. С. 127.

чивается внешними обстоятельствами: уровнем обеспечения безопасности, контроля здоровья и «рационального» распределения времени замыкающимися «умным домом», встраиваемыми в тело человека и предметы обихода сенсорами и датчиками, которые измеряют и интерпретируют данные о состоянии, движениях, поведении. В итоге границы повседневного документируются, а образ человека конструируется на основе технологий-идентификаторов.

Однако особенно наглядно процесс дестабилизации тождественности телесного опыта и «машинного времени» характеризует уровень персональной репрезентации в темпоральной перспективе. В ситуации ускоренного развития технологической базы, трансформации восприятия реальности и становления новых идентификационных стратегий, практик актуализации цифровое пространство заявляет о себе смещением центров присутствия и воплощенности субъекта. Субъект выстраивает частную, профессиональную и общественную сферу, исходя из технологических, стандартизирующих и унифицирующих характеристик эффектов цифровых ресурсов. Более того, возможно обнаружить и проследить актуальные стратегии реактивации, направленные на выстраивание образа прошлого и будущего, которые соотносятся с утвержденными частными формами «заботы о себе» в современной интерпретации.

Концепт «заботы о себе» разрабатывался Мишелем Фуко в контексте отношений между субъектом и играми истины, субъектом и практиками самости в конкретной исторической перспективе. В курсах по герменевтике субъекта, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 годах, Фуко утверждал:

... *epimeleia heautou* (забота о себе и проистекающие из нее правила) не переставала быть основным принципом, отличавшим философское поведение, почти во всей греческой, эллинистической и римской культуре²⁰.

«Забота о себе», «занятие собой», «попечение о самом себе» — данные понятия являлись основой для практики свободы:

... необходимо было заниматься собой, заботиться о себе, сразу для того, чтобы познавать себя... и для того, чтобы формировать

20. Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007. С. 21.

себя, преодолевать самого себя, укрощать в себе стремления, которые могут подчинить нас²¹.

«Забота о себе», к которой взывала фигура философа и которая подразумевала необходимость участия наставника, являлась моментом пробуждения, обращалась к (само)познанию, включающему определенное количество правил поведения: истин и предписаний. Данный принцип выходит за пределы индивидуальной жизни, распространяясь на взаимоотношения в обществе:

...заботившийся о себе как следует уже тем самым оказывался способным вести себя как следует по отношению к другим и для других²².

Кроме того, проблематизация свободы греков пролегает в сфере этоса, который представлял собой способ существования и поведения:

Это был способ существования субъекта и определенный, видимый для других, способ вести дела. Этос конкретного человека выражается в его костюме, в его выправке, походке, в спокойствии, с каким он реагирует на все события²³.

Разворачивание практики свободы в свете темпоральной характеристики на протяжении греческой мысли несет в себе недоверие к будущему и всем его устроениям:

Греки повернуты не к будущему, а к прошлому, так что в будущее они входят, повернувшись к нему спиной, глядя назад, в прошлое²⁴.

Захваченность мыслью о грядущем исключает состояние свободы, вносит аспект бессилия, еще не существующего для человека, и в итоге — невозможность осуществления процесса становления тем, кем человек является. Но память как мысль о прошлом, как способ существования того, чего уже нет, актуализирует процесс сборки субъекта, благодаря памяти «мы обладаем тем, чего у нас

21. Он же. Интеллектуалы и власть: избр. полит. ст., выступ. и интервью. М.: Праксис, 2002. Ч. 1. С. 246.

22. Там же. С. 250.

23. Там же. С. 248.

24. Он же. Герменевтика субъекта. С. 503.

отнять нельзя, коль скоро мы о нем помним»²⁵. Данный тезис последовательно закрепляется в разнообразии упражнений, практик, позволяющих обратить взор на самого себя, бросить ретроспективный взгляд на свою жизнь.

В современном обществе формы «заботы о себе» трансформируются. Фуко не рассматривал «заботу о себе» в отношении к актуальной действительности, но очертил контуры ее возможного представления обществом XX столетия в «форме себялюбия, эгоизма или индивидуального интереса», противоречащей принципу общежития, обязанной своим существованием, к примеру, христианской морали, декартовским постулатам и др.²⁶ В редких отрывках Фуко указывает на утрату греческого содержания «заботы о себе», на замещение и оборачивание смысла в сторону бессодержательных выражений: «прийти в себя», «быть самим собой»²⁷. В XXI веке данная тенденция отчетливее проявляется в иллюстрациях и текстах, сформированных медиасредой. Имеет смысл обратить внимание на более частный аспект современных форм «заботы о себе». Измененная сущность актуальных практик затрагивает временной аспект, переворачивает известную схему прошлое-будущее в свете цифровой характеристики.

Дигитальное пространство оперирует иллюзией перманентности, вечности моментов, захватывая в свою среду и образ человека. Возможными становятся проблемы осуществимости продления жизни человека с помощью виртуальных технологий, оцифровки актов деятельности сознания (которым приписывается статус оцифрованного сознания) и их миграции из цифрового в аналоговое пространство, вопросы допустимости посмертной трансляции личности и ее «воскрешения» в сетевой реальности. В современном обществе, таким образом, обнаруживается в качестве одной из форм «заботы о себе» во временной перспективе формирование воспоминания о субъекте субъектом: создание, актуализация и трансляция памяти о себе в перспективе на будущее, в котором физическая жизнь уже не будет существовать, но цифровой образ продолжит функционировать. Рассматриваемая форма «заботы о себе», следовательно, удовлетворяет установке «настоящность будущего».

25. Там же. С. 507.

26. *Он же*. Интеллектуалы и власть. С. 246.

27. *Он же*. Герменевтика субъекта. С. 278.

Данная практика реализуется при помощи технологий и согласно установленным критериям сборки дигитального субъекта в единое.

В интервью с Алексеем Каленчуком, директором по акселерации по направлению технологий виртуальной и дополненной реальности ИТ-кластера Фонда «Сколково», обсуждаются возможные попытки оцифровки, «оживления» человека²⁸. Проблемным вопросом остается статус цифровой копии человека, которая является не прямым продолжением сознания физического субъекта, но «виртуальной моделью», «призраком», «тенью». Если ранее (и в настоящее время данная возможность сохраняется) потомки вспоминали о своих предках, обращаясь к фотоальбомам, цифровой галерее с фото- и видеоматериалами, сохранившимся текстам в социальных сетях, то в данный момент появилась возможность оцифровки человека в виртуальную модель, которая в дальнейшем может быть использована в кинопроизводстве, игровой индустрии (перенесение на игровые «движки») и с которой возможна в той или иной степени коммуникация. Взаимодействие характеризуется имитацией стиля речи умершего человека за счет привлечения массива данных, собранных в течение нескольких лет: совокупности текстовых и голосовых сообщений («переписка»), фото и видеоматериалов.

Помимо этого, американский стартап *StoryFile*, к примеру, работает с человеком, который для реконструкции собственного образа при жизни проходит через серию интервью, запись которых ведется несколькими камерами и которые в дальнейшем загружаются в нейросеть для обработки цифровой копии. Ограничительным фактором являются не резервы индивидуальной памяти, а вместимость технологической системы.

В 2017 году американский журналист Джеймс Влахос создал цифровую копию умершего отца, Джона Влахоса, по собственному замечанию, «отблеск» человека, «карманную версию отца в телефоне»²⁹. В данном случае были задействованы как текстовые, так и аудиальные материалы (например, прижизненное исполне-

28. Емельяненко В., Новоселова Е. Ученые открывают уникальные возможности продления жизни. А кому это нужно? // Российская газета. 15.03.2023. URL: <https://rg.ru/2023/02/15/chelovek-ne-hochet-byt-bessmertnym.html>.

29. How a Man Turned His Dying Father Into AI // YouTube: Wired. 19.07.2017. URL: <https://youtu.be/oQ7V74s6e04>.

ние песен, диктофонные записи), способности чат-бота³⁰ по распознаванию голоса:

В итоге чат-бот использует любимые выражения Влахоса-отца, знает все про родственников и даже узнает их по голосу³¹.

Возможность реализации данного проекта обусловлена характером механизма формирования памяти о себе: «Кто лучше меня расскажет обо мне моим внукам?»³² Интерактивный формат позволил репрезентировать текст истории жизни при отображении сформированных составляющих индивидуальности (особенности юмора, стилистика, особенности и экспрессия речи) и фиксированных значимых вех биографии (профессиональная, спортивная, творческая деятельность, события личной и семейной жизни, принятые в статусе значимых) в перспективе сохранности памяти о человеке в будущем. Как отмечала Ассман,

... живое воспоминание, качественно отличаясь от фотографической точности, поддерживается речевыми фрагментами, отдельными фразами или анекдотами³³.

Таким образом, в данном случае утверждается связь памяти и ее длящегося проговаривания, воспоминания и его персонального конструирования, отбора.

В рамках другого стартапа, *Luka*, была предпринята попытка «оживления» человека (возможность виртуального общения в текстовом формате с цифровой копией), погибшего бизнес-партнера основателя, Романа Мазуренко, посредством создания чат-бота «Роман» на основании фото, статей, фрагментов переписки из социальных сетей, воспоминаний друзей и родственников. Механизм, лежащий в основе данной реконструкции личности, был трансформирован в проект *Replika* — личный искусственный интеллект (*artificial intelligence, AI*), предназначенный

30. Цифровая программа-алгоритм, виртуальный собеседник при участии ИИ, осуществляющая автоматическое общение, имитирующая диалог с пользователем с помощью текстового или голосового сопровождения и настроенная на взаимодействие, мгновенную выдачу ответа. Использует техники машинного обучения для определения моделей общения и их дальнейшего развития.

31. Емельяненко В., Новоселова Е. Указ. соч.

32. How a Man Turned His Dying Father Into AI.

33. Ассман А. Указ. соч. 2014. С. 53.

для частного пользования и создания искусственного участника коммуникации на основе репрезентирующих составляющих человека:

Replika была основана Евгенией Куйдой с идеей создать личный AI, который поможет вам выразить и стать свидетелем себя³⁴.

Рассматриваемый пример является способом работы субъекта с собственным частным миром восприятия, цифровой репрезентацией самого себя, дигитальным следом, воплощенным в чат-боте. Комментарии участников проекта («Она не реальна, но существует», «Чат-бот становится тобой», «Она является по сути мной, но не мной») являются буквальным воплощением репрезентации себя как другого в ситуации, когда человек обнаруживает себя в качестве обладателя внутреннего мира, особого типа субъективности и эмоциональности, которые через него действуют в поле социальных взаимодействий³⁵. Если ранее дневник являлся способом размышления об опыте и средством для придания ему автобиографической формы, односторонним средством общения с самим собой, то теперь чат-бот предполагает реакцию, позволяет выдавать ответ в манере и стиле самого человека, вести коммуникацию с тем, кто звучит, как ты сам, но и одновременно с тем, кто выступает в роли ментора, наставника, психолога.

На базе *Somnium Space* — открытой платформы с технологией виртуальной реальности — реализована внутриигровая механика «Жить вечно» (*Live Forever*), являющаяся автоматическим режимом записи человека для будущего анализа ИИ и дальнейшего «оживления» цифровой копии. Данная технология позволяет создать копию, с которой возможно было бы общение в виртуальном пространстве и после смерти «физического человека». В этом случае «вечная жизнь» возможна для цифрового воплощения, которое включает в себя биометрические данные, корпус текстовых, фото- и видеоматериалов человека. Таким образом записываются и передаются дыхание, пульс, манера походки, тембр речи и т. п. В качестве примера основатель *Somnium Space* Артур Сычев приводит посмертную встречу одной семьи с цифровым образом бабушки в виртуальной реальности:

34. The Story of Replika, the AI App That Becomes You // YouTube: Quartz. 21.07.2017. URL: <https://youtu.be/yQGqMVuAko4>.

35. Ibidem.

Давайте отправимся в тур в VR (*virtual reality*), навестим ее и просто поговорим с ней о том, что она делала в своей жизни, кем она была, каковы были ее интересы. Я думаю, что тривиальный диалог с этим человеком и даже возможность прикоснуться к его руке и почувствовать биение его сердца — это волшебство. И мы знаем, что это возможно с технологией, доступной сегодня³⁶.

Рассматриваемая механика позиционирует себя в способности за счет относительной непосредственности контакта добиться большей степени близости с цифровой копией; как люди создают человеческие отношения, к примеру, с роботом-собакой, так и общение с умершим встраивается в действительное поле межличностной коммуникации:

Видео — это форма представления того, какими изображенные были для людей, просматривающих эти видео позже. Но встреча с теперь динамично запечатленными и возможность поговорить с ними — это следующий уровень в естественном развитии технологии³⁷.

В итоге рассматриваемые коммерциализированные эксперименты, обращенные на дигитальную реальность, восходят в план повседневного человека-пользователя. Относительно плана (пере)производства воспоминания частные формы «заботы о себе» в цифровом пространстве являют практики реактивации субъекта, актуализации памяти о нем на основании утвержденных, презентующих его составляющих. Стратегия конструирования воспоминания относится к стандартизированному, технизированному, потоковому механизму воспроизводства цифровых моделей. Однако данный механизм позволяет самим существованием цифрового следа актуализировать память о физическом «носителе» посредством сведения цифрового «клонирования» к превращению повторяющегося в неповторимое, серийного в уникальное. Воспоминание становится техническим перепроизводством живого, результатом собственной сборки субъекта с перспективой в будущее.

36. Zomorodi M. et al. How We Could Live Forever... Virtually // NPR. 31.03.2023. URL: <https://www.npr.org/2023/03/31/1167136624/how-we-could-live-forever-virtually>.

37. Ibidem.

Заключение

Существуют понятия и термины, которые способны описать эпоху, являясь определенным признаком времени. Таким понятием сегодня видится память. Французский историк Пьер Нора писал: «Создание архива стало императивом эпохи»³⁸. Архив бюрократических структур, исторический архив, а в настоящее время, с демократизированной и чрезмерно распространенной материализацией памяти, своеобразный архив охватывает и повседневные практики: «Жажда помнить превращает каждого в историка самого себя»³⁹. В итоге наиболее наглядным и очевидным в данном процессе поиска собственной организации и разыскания своих истоков является область семейных историй и конструирования генеалогии — семейная историцизация.

Однако с возникновением и распространением рассмотренных чат-ботов, внешних средств самоописания и конструирования личного опыта возникает вопрос будущности, требования обращенности взора не столько на биографию, сколько на посмертную кристаллизацию воспоминаний, на поставку познанных истоков следующим поколениям в контексте экспансии цифровизированных форм памятования. Прояснение связи памяти и актуальных практик «заботы о себе» возможно в попытке определения и описания современного субъекта (или объекта?)⁴⁰.

Выраженная в нарративах память сегодня восходит в план практики «заботы о себе». На первый взгляд призванная восстанавить представление о субъективности как о нечто непрерывном, постоянном внутри себя самого память знаменует кризис идентичности:

Память вообще перестает производиться человеком, но постав-
ляется ему в готовом виде культурной индустрией. <...> техно-
логически произведенная память в значительной степени фор-
мирует субъектность людей⁴¹.

38. Нора П. и др. Франция-память. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 31.

39. Там же. С. 32.

40. Вопрос статуса субъективности позволяет раскрыть содержательную сторону актуальной материальной базы, сформированной опытами взаимодействия человека с чат-ботами, а также прояснить новый формат работы с воспоминаниями.

41. Ямпольский М. Машина наследия // Colta. 04.07.2016. URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/11589-mashina-naslediya>.

В настоящее время не только «дан приказ вспомнить себя... мне надлежит помнить себя, и... я тот, кто меня вспоминает», но и индивиду вменено требование выдачи в готовом виде образа прошлого, «настоящего себя» для трансляции в будущее⁴². Практики «заботы о себе» могут быть обозначены в качестве ритуалов общества без ритуалов, которые приносят технологическими агентами «преходящие святыни десакрализирующего общества»⁴³. Не вполне жизнь, но еще и не вовсе смерть конструируется ИИ образами умерших в перспективе. В итоге воспоминание обратилось своей собственной реконструкцией. Более того, воспоминание подвержено процедуре двойной символизации: исходя из собственной природы памяти (память превращает воспоминание в «священное») и исходя из функционального значения дискурсивного измерения циркулирующих в культурном пространстве практик «заботы о себе» (по аналогии с имитирующим культовое действие, подменяющим сакральное жестом, механизмом жаргона подлинности, описанным немецким философом XX века Теодором Адорно). В обращении к работам Адорно видится перспектива осмысления требования XXI века по внешнему восстановлению целостного субъекта в стандартизированных и рационализированных практиках памятования. Актуальные практики при участии ИИ осуществляют разложение человека на способности, сводят к схематичным, выверенным и унифицированным маркерам путем гомогенизации специфических черт, усреднения личной истории методами анкетирования и редуцирования к базовым «машинным» характеристикам. «Забота о себе» относительно вопроса производства воспоминания низведена до уровня обслуживания функций:

Каждое ведомство внутри индивида, будучи ограниченным, отрицает принцип индивидуальности: последняя превращается в сумму функций⁴⁴.

Восстановление непрерывности биографического содержания ограничивается заданной неизменной ответной формулой, разложенной на этапы жизни «рассеянного субъекта». Буквально

42. Нора П. и др. Указ. соч. С. 33.

43. Там же.

44. Адорно Т. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011. С. 77.

ставший внешним самому себе в чат-боте человек иллюстрирует мысль Адорно о «жаргонном» образе человека, сведенном к безудержному «О, человек!»:

Когда теологический первообраз был низвергнут, трансценденция... переселилась в само изображение; оно экспонируется как чудесное, ибо других чудес больше нет⁴⁵.

Более того, выработка личного опыта в практиках памятования в чат-боте передана специализированной индустрии: прорекламированная интериорность, ставшая ценностью и собственностью, выброшена на рынок⁴⁶. Уже в середине XX века Адорно предвосхищает рефлексия бума генеалогических изысканий конца века:

Остается лишь предельно внешнее: чувство собственного превосходства тех, кто выбирает себя, кто полагает, что быть самим собой — это благодать. Это притязание легко оборачивается претензией на элитарность. Симптом такой эволюции — массовая вера в собственную принадлежность к какой-либо знатной фамилии⁴⁷.

Практика самоописания в новых формах производства воспоминаний на данный момент претендует на то, чтобы опыт себя был поставлен и употреблен. В некотором смысле рассмотренная форма памятования в своей наглядной замкнутости на индивидуальной истории и причастности к современному смыслу «заботы о себе» являет образ человека как «гарантированной собственности»:

Индивид, который уже не может полагаться на какую-либо надежную собственность, вцепляется в себя самого в своей предельной абстрактности как в то последнее, что, по видимости, уже не может быть утрачено⁴⁸.

Как отмеченное Нора неведение относительно того, «из чего будет сконструировано прошлое, превращает все в след, в возможный признак, в намек истории», так и современная неуверенность

45. Он же. *Minima moralia*. Размышления из поврежденной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. С. 74.

46. Он же. Жаргон подлинности. С. 83.

47. Там же. С. 86.

48. Там же. С. 129–130.

в том, что должно быть передано, преобразует самого субъекта в цифровой след, в образ цифрового образа⁴⁹. Или, указывая более решительно:

Отделенная от всего, фиксированная самость тем более явно превращается во внешнее, субъект — в свой собственный объект, пустуемый и хранимый⁵⁰.

Библиография

- Адорно Т. Жаргон подлинности. О немецкой идеологии. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2011.
- Адорно Т. *Minima moralia*. Размышления из поврежденной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022.
- Артемченко Н. А. Время, память, травма: между бытием и небытием // *Studia Culturae*. 2018. № 36. С. 124–136.
- Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛО, 2014.
- Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Емельяненко В., Новоселова Е. Ученые открывают уникальные возможности продления жизни. А кому это нужно? // *Российская газета*. 15.03.2023. URL: <https://rg.ru/2023/02/15/chelovek-ne-hochet-byt-bessmertnym.html>.
- Критика цифрового разума / Гл. ред. В. В. Савчук. СПб.: Академия исследования культуры, 2020.
- Ловинк Г. Критическая теория интернета. М.: Ад Маргинем Пресс; Музей современного искусства «Гараж», 2019.
- Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем. М.: ИД ВШЭ. 2016.
- Люббе Г. Историческая идентичность // *Вопросы философии*. 1994. № 4. С. 108–113.
- Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память. СПб.: СПбГУ, 1999.
- Румянцева М. В. Компенсаторная теория в работах Германа Люббе и Одо Маркварда // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. 2015. Т. 2. № 1. С. 140–150.
- Трубина Е. Учась вспоминать: векторы исследований памяти // *Власть времени: социальные границы памяти* / Под ред. В. Н. Ярской, Е. Р. Ярской-Смирновой. М.: Вариант; ЦСПГИ, 2011.
- Фуко М. Герменевтика субъекта: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году. СПб.: Наука, 2007.
- Фуко М. Интеллектуалы и власть: избр. полит. ст., выступ. и интервью. М.: Праксис, 2002.
- Ямпольский М. Машина наследия // *Colta*. 04.07.2016. URL: <https://www.colta.ru/articles/specials/11589-mashina-naslediya>.

49. Нора П. и др. Указ. соч. С. 37.

50. Адорно Т. Жаргон подлинности. С. 137.

How a Man Turned His Dying Father Into AI // YouTube: Wired. 19.07.2017. URL: <https://youtu.be/oQ7V74s6eo4>.

The Story of Replika, the AI App That Becomes You // YouTube: Quartz. 21.07.2017. URL: <https://youtu.be/yQGqMVuAko4>.

Zomorodi M., Monteleone K., Meshkinpour S. How We Could Live Forever... Virtually // NPR. 31.03.2023. URL: <https://www.npr.org/2023/03/31/1167136624/how-we-could-live-forever-virtually>.

MEMORY IN THE DIGITAL SPACE AS A FORM OF THE “CARE OF THE SELF”

NADEZHDA MAKAROVA. Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU); St. Petersburg State University (SPbU), Russia, np99np99@mail.ru.

Keywords: care of the self; subject; memory; remembering practices; digital reality; artificial intelligence.

The article offers an attempt to conceptualize contemporary practices of digital resurrection of the subject in the context of the emergence and spread of chatbots based on artificial intelligence. Digital resources of constructing the subject's digital image in a dialogical form carry out the mediating function of remembering, producing and generalizing “texts of life.” Actual forms of recollection in the dynamics of individual memory are analyzed, and different levels and meanings of the contemporary discourse of the subject's digital resurrection are developed. Recollection is considered both as a technologically unified practice of permanent actualization of memory about an individual and as a result of constructing a personal image intended for postmortem broadcasting and processing in digital space. The creation of a digital copy of the deceased, constructed according to a single, unified template, is presented as one of the actual ways of forming representations of the individual's past.

The variety of modern technological developments (test/startups and final commercial products), which design and broadcast the postmortem image of a person in digital mode, is presented and analyzed. The ideas of Pierre Nora, Jan Assmann, Aleida Assmann, Michel Foucault, Geert Lovink, Hermann Lübke, and Theodor W. Adorno are touched upon. The article also problematizes the notion of subjectivity through the prism of imperatives and standards underlying such a concept as the “care of the self.” Practices of the “care of the self” include the aspect of remembering: the requirement of forming one's own biography, its transmission, and the construction of memories of the image of a physical and digitalized person. The following conclusion is formulated: private forms of the “care of the self” in digital space are practices of reactivation of the subject, actualization of memory about him/her on the basis of approved representing components. The strategy of constructing memories refers to a standardized, technicalized, streaming mechanism of reproducing digital models. However, this mechanism allows the existence of a digital trace to actualize the memory of the physical “medium” by reducing digital “cloning” to the transformation of the repetitive into the inimitable, the serial into the unique. The memory becomes a technical overproduction of the living, the result of the subject's own assemblage in a greater perspective.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-6-113-132

References

- Adorno T. *Minima moralia. Razmyshleniia iz povrezhdennoi zhizni* [Minima Moralia: Reflections from Damaged Life], Moscow, Ad Marginem, 2022.
- Adorno T. *Zhargon podlinnosti. O nemetskoi ideologii* [Jargon der Eigentlichkeit. Zur deutschen Ideologie], Moscow, Canon+ ROOI “Reabilitatsiia”, 2011.
- Artemenko N. Vremia, pamiat', travma: mezhdru bytiem i nebytiem [Time, Memory, Trauma: Between Being and Non-being]. *Studia Culturae*, 2018, no. 36, pp. 124–136.

- Assman A. *Dlinnaia ten' proshlogo: memorial'naia kul'tura i istoricheskaiia politika* [Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik], Moscow, New Literary Observer, 2014.
- Assman J. *Kul'turnaia pamiat': pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaiia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen], Moscow, LRC Publishing House, 2004.
- Emelianenko V., Novoselova E. Uchenye otkryvaiut unikal'nye vozmozhnosti prodleniia zhizni. A komu eto nuzhno? [Scientists Discover Unique Life Extension Opportunities. But Who Needs It?]. *Rossiyskaya Gazeta*, March 15, 2023. Available at: <https://rg.ru/2023/02/15/chelovek-ne-hochet-byt-bessmertnym.html>.
- Foucault M. *Germenevtika sub'ekta: kurs leksii, prochitannykh v Kollezhe de Frans v 1981–1982 uchebnom godu* [L'Herméneutique du sujet. Cours au Collège de France (1981–1982)], St. Petersburg, Nauka, 2007.
- Foucault M. *Intellektualy i vlast': izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniia i interv'yiu* [Les intellectuels et le pouvoir: articles politiques, conférences, interviews], Moscow, Praxis, 2002.
- How a Man Turned His Dying Father Into AI. *YouTube: Wired*, June 19, 2017. Available at: <https://youtu.be/oQ7V74s6e04>.
- Iampolski M. Mashina naslediiia [Heritage Machine]. *Colta*, July 04, 2017. Available at: <https://www.colta.ru/articles/specials/11589-mashina-naslediya>.
- Kritika tsifrovogo razuma* [Criticism of the Digital Mind], St. Petersburg, Akademiia issledovaniia kul'tury, 2020.
- Lovink G. *Kriticheskaiia teoriia interneta* [Critical Theory of the Internet by Geert Lovink], Moscow, Ad Marginem, Garage Museum of Contemporary Art, 2019.
- Lübbe H. *Istoricheskaiia identichnost'* [Historical Identity]. *Voprosy filosofii*, 1994, no. 4, pp. 108–113.
- Lübbe H. *V nogu so vremenem. Sokrashchennoe prebyvanie v nastoiashchem* [Im Zug der Zeit: Verkürzter Aufenthalt in der Gegenwart], Moscow, HSE Publishing House, 2016.
- Nora P., Ozouf M., Puymège G., Winock M. *Frantsiia-pamiat'* [France-Memory], St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 1999.
- Rumyantseva M. *Kompensatornaia teoriia v rabotakh Germanna Liubbe i Odo Markvarda* [Compensation Theory in Hermann Luebbe's and Odo Marquard's Works]. *Pushkin Leningrad State University Journal*, 2015, vol. 2, no. 1, pp. 140–150.
- The Story of Replika, the AI App That Becomes You. *YouTube: Quartz*, June 21, 2017. Available at: <https://youtu.be/yQGqMVuAko4>.
- Trubina E. Uchas' vspominat': vektory issledovaniia pamiati [Learning to Remember: Vectors of Memory Studies]. In: *Vlast' vremeni: sotsial'nye granitsy pamiati* [The Power of Time: Social Boundaries of Memory], Variant, TsSPGI, 2011.
- Zomorodi M., Monteleone K., Meshkinpour S. How We Could Live Forever... Virtually. *NPR*, March 31, 2023. Available at: <https://www.npr.org/2023/03/31/1167136624/how-we-could-live-forever-virtually>.